

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

О НОВЫХЪ РУССКИХЪ ЛЮДЯХЪ

I.

Еще два-три года тому назадъ въ общественно-литературныхъ эмигрантскихъ кругахъ Парижа все было болѣе-менѣе ясно. Всякій, къ этимъ кругамъ принадлежащій, зналъ «существующій порядокъ вещей, установившійся, повидимому, «всерьезъ» и «надолго». Ясно было — гдѣ «правое», гдѣ «лѣвое», гдѣ «реакція», гдѣ «прогрессъ», въ чемъ «вѣрность традиціямъ» и «въ чемъ подрываніе устоевъ», кто сохраняетъ «живую связь съ дѣйствительностью» и «кто ничего не забылъ и ничему не научился».

Получалась, словомъ, цѣлая стройная панорама съ возвышенностями и низменностями, горделивыми шпилями и обреченными на сносъ лачугами, какъ панорамѣ и полагается. Конечно, что принимать за верхъ, что за низъ — зависѣло отъ точки зрѣнія. Любой ландшафтъ можно наблюдать просто, можно и вверхъ ногами: тогда самая глубокая изъ ямъ покажется Монбланомъ и обратно. Но непрерываемая реальность цѣлаго отъ этого нисколько не страдала. Негативъ и позитивъ, яростно «отрицая» другъ друга, повторяютъ, какъ извѣстно, съ одинаковой точностью тотъ же самый «кусочекъ жизни». Не будь его — не было бы ни позитива, ни негатива.

Короче говоря, съ большими или меньшими недостатками, съ тѣми или иными ошибками или несправедливостями, въ эмиграціи установилась своя, прочная іерархія цѣнностей и, вытекающій изъ нее и на нее опирающійся «существующій строй».

**

Всѣ законы міра начинаются съ суровыхъ каръ за попытку къ ниспроверженію существующаго строя. Въ эмиграціи уголовного кодекса нѣтъ и за подкупъ подъ какое либо изъ ея установленій «злоумышленника» нельзя ни осудить, ни разстрѣлять. Но нѣкоторый аппаратъ моральнаго воздѣйствія у эмиграціи, какъ у осознанной и организованной анги-большевистской

силы, конечно есть. Странно было бы, если бы его не было. Слишком огромны ценности, вывезенные эмиграцией съ «всероссійскаго пожарища», да и люди их вывезшіе не годятся на роли простыхъ музейныхъ сторожей. Лучшіе изъ нихъ, — эту убитую, точнѣе пришибленную «тамъ» и охраняемую здѣсь россійскую культуру сами создавали и двигали, — естественно, что отъ своей привычной «хозяйской» роли своихъ обязанностей — правъ они добровольно не откажутся.

Всегда шла борьба, никогда не прекращавшаяся внутри самой эмиграціи — и она достигала разныхъ степеней напора и ожесточенія. Но самый кругъ этой борьбы былъ ограниченъ уже тѣмъ самымъ, что вели ее люди одной и той же старой русской культуры и одного кожного, кроваваго отвращенія къ разрушителю этой культуры — большевизму. И, если въ политическихъ разногласіяхъ дѣло могло заходить и заходило порой очень далеко — то въ этой, основной, области эмиграція сама собой, безъ всякихъ усилій, сейчасъ же объединялась — какъ только что либо начинало угрожать ея «не писаннымъ законамъ». Отъ вульгарнаго «смѣловѣховства», до достаточно сложнаго и хитроумнаго евразійства — всѣ явленія такого порядка находили немедленный отпоръ. Сѣмена разложенія неизмѣнно попадали на камень и прорости не могли...

Такъ было до недавняго времени, покуда дѣло шло въ плоскости обычныхъ противопоставленій: мы и они, культура и варварство — эмиграція и большевизмъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ «аппаратъ» сталъ давать перебои. Незамѣтно, подспудно, въ разныхъ углахъ русской жизни зарождалась и накапливала энергію неизвѣстная до сихъ поръ «Третья сила», къ оцѣнкѣ которой старыя мѣрки какъ будто непримѣнимы. Теперь, на нашихъ глазахъ, сила эта «вступаетъ въ игру».

**

Обликъ представителей этой силы далекъ и отъ того, какимъ мы знаемъ эмигранта, и отъ того, какъ рисуется намъ большевикъ нашихъ дней. Обликъ этотъ, прежде всего, двойится, тройится, четвертится.

Когда то въ блаженные довоенныя времена были въ модѣ соединенные портреты знаменитостей. Скажемъ: «монархи Европы». Брались карточки Вильгельма II, Эдуарда VII, бельгійскаго Леопольда, испанскаго Альфонса и, накладывая одна на другую, получали фізіономію благообразнаго господина среднихъ лѣтъ, съ пышной растительностью и нѣсколько туманнымъ взгля-

домъ. Это и былъ соединенный портретъ монарховъ Европы. То же дѣлалось съ борцами, актерами — невинныя были времена и невинно люди развлекались.

Такъ, вотъ, чтобы хоть приблизительно представить себѣ двоящееся, троящееся, четверящееся лицо «новаго человѣка», вступающаго въ русскую жизнь, приходится прибѣгнуть къ такому же способу «накладыванія»...

... Материализмъ — и обостренное чувство ирраціональнаго. Марксизмъ — и своеобразный романтизмъ. «Сильная Россія» и — «благословимъ судьбу за наши страданія». Отрицаніе христіанства — «спасеніе въ христіанствѣ». Русское мессіанство, интернаціональ. «Цѣль оправдываетъ средства» и непротивленіе злу. Достоевскій, Достоевскій, Достоевскій... Немного Толстого. «Атлантида» Мережковского, Ницше и... Андре Жидъ. «Пушкина не существуетъ». Славянофилы, Леонтьевъ. Рудольфъ Штейнеръ, даже Елевфеврій... Безчисленные, — какъ пишутъ въ анализахъ, — «слѣды» другихъ пестрыхъ, перекрещивающихся, отрицающихъ другъ друга вліяній.

Изъ этой смѣси идей и чувствъ, страстей и системъ, смотреть, если хорошенько взглядѣться, лицо новаго русскаго человѣка. Отчетливости благообразнаго господина съ баками Франца-Иосифа и носомъ Фердинанда болгарскаго — этотъ «комбинированный портретъ», конечно, не имѣетъ. Но онъ не сливается и въ безформенное, туманное пятно, какъ можно было ожидать. Какія то черты явно сквозь туманъ рисуются. Самая противорѣчивость ихъ придаетъ имъ что-то собственное, характерное. Кромѣ того, этотъ портретъ передъ портретомъ монарховъ Европы или чемпионовъ бокса имѣетъ одно важное преимущество въ смыслѣ выразительности. Тамъ, при роскошныхъ очертаніяхъ носовъ и бородъ, глаза, какъ я уже отмѣчалъ, нѣсколько расплывались: монархическая или скулодробительная идея, отъ соединенія въ одно отборныхъ ея представителей, сильнѣй отнюдь не выявлялась. На этомъ лицѣ, такомъ еще неопредѣлившимся, глаза горятъ ярко. И въ нихъ свѣтится нѣчто, если не организующее хаосъ остальнаго, то одухотворяющее его. Въ глазахъ, «сборныхъ» глазахъ новаго человѣка, ярко свѣтится его «пореволуціонное сознание».

«Пореволуціонное сознание»... Не знаю, кто пустилъ въ ходъ это опредѣленіе, да это и не существенно. Настоящимъ авторомъ его была сама жизнь. И эти два слова, призваны, быть можетъ, сыграть роль той черты, которая

раздѣлить по новому строй русской жизни, сложившейся послѣ революціи. Самое удивительное, что если эту черту провести — за чертой, отдѣляющей «новыхъ людей» отъ «старыхъ», окажемся не только мы, люди прежней Россіи, но и «они» — безконтрольные хозяева Россіи нынѣшней.

Пореволюціонное сознание... Новый человѣкъ, человѣкъ «третьей силы» — недоволенъ «существующимъ строемъ» по обѣ стороны рубежа и этого не скрываетъ. Но онъ именно недоволенъ — ни нашей ненависти, ни большевицкаго презрѣнія къ намъ, у него нѣтъ. Онъ вообще, какъ бы игнорируетъ самый рубежъ, раздирающій на двое Россію, какъ бы считаетъ его несуществующимъ. Критикуя и присматриваясь, онъ выбираетъ у «насъ» и у «нихъ» то, что можетъ ему подойти. Но и эмиграція, и большевизмъ для него въ значительной степени старая русская жизнь. Онъ же собирается строить новую.

**

Кто же, однако, они, эти новые люди, откуда они взялись. Что это — новое поколѣніе? Отчасти, новое поколѣніе. Но только отчасти. Конечно, среди нихъ преобладаетъ молодежь — но признакъ возраста какъ то для нихъ нехарактеренъ. Нехарактерно это впрочемъ, не только для нихъ. Во всей послѣвоенной Европѣ перемѣнилось, если присмотрѣться, строеніе и порядокъ смѣняющихся другъ друга человѣческихъ волнъ. Какіе то новыя неизвѣстныя вошли послѣ войны въ уравненіе, по которому движется «душа исторіи» — и многія прежде ясныя и самоочевидныя положенія потеряли свою ясность и самоочевидность.

Точнѣ всего — это люди новой духовной среды. Сознаніе ихъ, конечно, опредѣлилось ихъ бытіемъ, хотя ни у кого въ мірѣ нѣтъ такого неодолимаго стремленія, какъ у нихъ — наперекоръ марксистской заповѣди — опредѣлять бытіе сознаніемъ. Многое объясняется въ нихъ тѣмъ, что въ большинствѣ своемъ, такъ или иначе — это «люди изъ подполья».

Русское подполье нашихъ дней ждетъ еще своего изобразителя. Вѣроятно, еще долго будетъ ждать: задача слишкомъ трудна. Оно неисчерпаемо богато страданіемъ и его духовный опытъ очень великъ.

«Подполье», это главнымъ образомъ всѣ тѣ, кто за пятнадцать лѣтъ революціи не выплылъ на поверхность ни въ эмиграціи, ни въ Россіи, не участвовалъ ни въ какомъ строительствѣ, не игралъ никакихъ ролей, тѣ, кто никакъ общественно не «осуществился», послѣ распада Россіи. Незамѣтно

для себя, не сознавая этого, безмолвствовавшая пятнадцать лѣтъ «глухая масса» русскихъ людей, накопила огромную энергію — теперь она ищетъ выхода.

**

Лицо «новаго человѣка» туманно: оно двоится, троеится, четверится. Идеи его путанны, противорѣчивы, пестры. Въ принявшемъ за пятнадцать лѣтъ отчетливыя формы, раздѣленномъ непроходимымъ рубежомъ, выкристаллизовавшемся, нѣсколько даже окаменѣвшемъ мірѣ русской жизни онъ, «новый человѣкъ» растерянно глядитъ вокругъ себя, не зная во что вѣрить, что отрицать, на что опереться, «прабая, лѣвая, гдѣ сторона».

Онъ неясенъ еще самому себѣ — какъ же отъ него ждать ясности. Онъ «подкидываетъ» — о его родословной можно только гадать. Онъ христiанинъ, отрицающій Христа, антибольшевикъ, не довѣряющій эмиграціи, онъ не признаетъ рубежа, но по обѣ стороны его, — онъ равно чужой дѣйствующимъ и тамъ и здѣсь законамъ. Онъ, — пока что, — только большой вопросительный знакъ, появившійся передъ нами «изъ ничего» — на пятнадцатомъ году революціи.

Но — нельзя объ этомъ забывать — въ глазахъ его — новое сознание.

II.

На собраніяхъ въ разныхъ обществахъ и кружкахъ русскаго Парижа, часто выступаетъ теперь молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести-восьми. Зовутъ его Петръ Степановичъ. Говоритъ онъ на эмигрантскихъ собраніяхъ отъ лица недавно основанной имъ и его друзьями «Третьей Россіи» — пока скромнаго журнальчика, въ будущемъ... но это покажетъ будущее.

Петръ Степановичъ крѣпко скроенъ, да и спитъ довольно «ладно». Высокій, прямой, свѣтлые глаза, бѣлые зубы. Только что-то топорное, тяжеловѣсное во всемъ — въ движеніяхъ, въ ходѣ мыслей, въ рѣчи.

Подыметъ руку — точно пудовую гиру поднимать. Зададутъ вопросъ — такъ задумается надъ отвѣтомъ, точно труднѣйшую задачу рѣшаетъ. Скажетъ слово — слово какое то каменное. Иногда — очень рѣдко улыбается. Улыбка — дѣтская.

— Мы хотимъ могущества!

Это лейтмотивъ всѣхъ его выступленій. Говоритъ онъ это такъ убѣж-

денно, так ясно смотреть собеседнику в глаза, так жестко, выбросив слово, стискивает челюсти, что забываешь на минуту жалкое несоответствие между мечтой и действительностью, словом и делом.

Этот прямой, коренастый, топорный человек — несомненно убежден в том, что так или иначе «могущества» (он произносит по мужицки: «мохущества») — он добьется. И такова сила убежденности, что она, «разсудку вопреки» — убеждает. Кто его знает, может именно он и добьется. Вот ведь какой скуластый, твердолобый, упорный. — «Мы достроим Вавилонскую башню»... «Мы добьемся»... «Мы, мы...»

Самое характерное для его выступлений, что он всегда говорит одно и то же. Вот он излагает свою программу подробно, тщательно отчеканивая каждое слово, прямо, ясно глядя перед собой. Потом, как водится, начинается диспут, программу Петра Степановича начинают с разных сторон разбивать. Разбивается она легко. В ослепительной ее стройности один за другим открываются глубокие изъяны. Она, оказывается, противоречит сама себя, она абсурдна. Стройная «Вавилонская башня» рсыпается карточным домиком.

Но взгляните на Петра Степановича. Он слушает с равнодушным, несколько скучающим видом, точно все это его несколько не касается. Он ждет, когда список ораторов будет исчерпан. Тогда он снова подымется на эстраду и тем же голосом, также твердо, убежденно, уверенно... буква в букву повторит в заключительном слов то, что говорил во вступительном. Все, что ему возражается, он просто — откровенно пропустил мимо ушей.

Но нужны ли все эти возражения? Не лучше ли присмотреться, прислушаться, прежде чем желать быть понятым, самому постараться понять? Прислушаться не столько к интонации, звуку голоса вот такого Петра Степановича. Присмотреться к его лицу, задуматься над его биографией — если он этого стоит. А он, повидимому, стоит — недаром его слушают так внимательно и возражают ему так горячо.

**

Новый человек из новой России. Что мы знали о нем до сих пор?

Как о темной стороне луны — о Советской России мы достоверно знаем, собственно, только то, что она существует. Все остальное — спор-

но, обо всем остальном можно только гадать. Да и догадки эти, основанные на обрывочных частных свѣдѣніяхъ и на ворохахъ официальной лжи, кажутся главнымъ образомъ сегодняшняго дня, Россіи, какъ она есть сейчасъ.

Было горе, будетъ горе,
Горю нѣтъ конца.

заглушенно шепчуть подспудные «ночные голоса» оттуда. Покрывая ихъ, сверхъ-мощный громкоговоритель пропаганды вѣщаетъ о неслыханныхъ достиженіяхъ пятилѣтки. Но между «горемъ безъ конца» и «энтузіазмомъ строительства», есть же живая жизнь великой страны, движущаяся впередъ по какимъ то колеямъ и какъ-то слагающаяся для будущаго. Что мы знаемъ о ней?

До сихъ поръ мы могли только гадать: за пятнадцать лѣтъ большевизма врядъ ли всѣ, кто не погибъ, превратились въ социалистическихъ роботовъ, или прихвостней власти. Кто то выжилъ и морально и физически. Это разъ. Два — за эти пятнадцать лѣтъ въ совѣтскомъ воздухѣ сложились миллионы сознаний, въ совѣтскую почву проросли миллионы новыхъ корней. Какіе то изъ этихъ новыхъ корней — въ подспудной, труднѣй всего поддающейся надзору ГПУ и контролю Ц.К. — области духа срослись и переплелись не съ правобѣрно-коммунистическими насажденіями, а какъ разъ съ враждебными коммунизму, уцѣлѣвшими отъ всероссійскаго «корчеванья» — корнями старой русской культуры. Прививка, какъ будто, не могла не произойти и не могла не дать всходовъ. Всходовъ — надо ждать. — На нихъ, какъ будто, можно надѣяться. Въ остальномъ: «было горе, будетъ горе», ночной туманъ и, сквозь него, бутафорскіе огни пятилѣтки.

И вотъ случилось ожидадно — неожиданное. Кто то старый выжилъ, кто то новый подросъ. Что то привилось, что то зацвѣло и зазеленѣло. Новый русский человѣкъ стоитъ передъ нами. У него славный мужицкій выговоръ, славный открытый взглядъ. Если онъ улыбается, улыбка у него дѣтская. Но по большей части онъ серьезенъ, каменно-серьезенъ. Отъ лица миллионъ, такихъ же, какъ онъ, каменно-серьезнымъ голосомъ онъ говоритъ міру:

— «Мы достроимъ Вавилонскую башню. Мы хотимъ могущества».

Въ чемъ, въ чемъ, а въ «подлинности» такого Петра Степановича сомнѣній нѣтъ. Все въ біографіи его честно, чисто и органично. Это не смѣновѣховецъ и не невозвращенецъ — не плакъ историческаго процесса, а новѣйшій, послѣдній его сплавъ. Выплавка шла, примѣрно, такъ.

Рабочая семья. Въ раннемъ дѣтствѣ октябрьскій переворотъ, воспринятый, какъ праздникъ раскрытія. 1919, 1920, 1921 годы — густая романтика Алой и Бѣлой розы, «бѣшеныхъ атакъ мірового капитализма» на «мирный рай трудящихся». 1922 — атаки отбиты. Наконецъ-то: «мы свой, мы новый міръ построимъ». Но вмѣсто новаго міра строится... Нѣтъ. Первые колебанія, такъ ли безошибочна «азбука коммунизма». Затѣмъ комсомоль, ВУЗ. Разговоры, книги, встрѣчи, само-критика, критика-просто... Съ лица бывшей Россіи понемногу сползаетъ маска страшилища, царя-жандарма, съ лица Россіи нынѣшней — идиллическая личина добродѣтельнаго товарища. Приходитъ время сдѣлать выборъ, роковой моментъ для нынѣшнихъ хозяевъ Россіи, къ предотвращенію котораго направлены всѣ средства коммунистической педагогики. Но самыя сильныя средства дѣйствуютъ, какъ извѣстно, до поры до времени и предотвратить непредотвратимое нельзя.

Петръ Степановичъ сдѣлалъ выборъ такъ. Послѣ окончанія ВУЗ-а, на порогѣ прекрасной карьеры, ничѣмъ не угрожаемый, принадлежащій къ привилегированному сословію — онъ сѣлъ въ поѣздъ, доѣхалъ до границы и безъ денегъ, безъ языка, безъ одинаго знакомаго за рубежомъ, границу перешелъ. Это былъ вполне безкорыстный жестъ, никакого практическаго смысла въ немъ не было. Онъ бѣжалъ единственно и исключительно потому, что въ воздухѣ Совѣтской Россіи для его легкихъ не хватало кислорода — онъ задыхался.

Но и въ эмиграціи — онъ этого не скрываетъ — онъ тоже задыхается.

**

На эстрадѣ эмигрантскаго собранія стоитъ человекъ. На немъ потертый костюмъ и темная рабочая рубашка. Въ карманѣ у него волчій нансеновскій паспортъ, въ головѣ обрывки нахваченныхъ знаній. Онъ бѣжалъ изъ Россіи и добываетъ себѣ кусокъ хлѣба физическимъ трудомъ. Отставъ отъ большевиковъ, къ эмигрантамъ онъ не присталъ. Онъ «самъ по себѣ». Онъ и маленькая кучка его учениковъ гордо называютъ себя «Третьей Россіей»...

Вотъ онъ излагаетъ свою программу. Программа, что и говорить, — «обширная». Новое государство людей — титановъ. Новая «титаническая религія». Побѣда надъ косностью духа — достройка — Вавилонской башни. Тутъ выясняется «пикантная подробность» — строить башню, оказывается, начали большевики и до поры до времени ничего, правильно строили: «расчистили мѣсто», заложили фундаментъ. Теперь, впрочемъ, большевики дѣлаютъ

«непоправимую историческую ошибку» — не желают уйти, чтобы дать «новымъ людямъ» — титанамъ достроить на заложенномъ ими фундаментѣ «Третью Россію».

Программа, повторяю, обширная. Достаточно сказать, что въ числѣ ея пунктовъ — въ планѣ «преодолѣнія косности матеріи» есть и такой: воскресеніе мертвыхъ...

Тотъ, кто скажетъ «сумасшедшіе», будетъ неправъ. Неправъ и тотъ, кто пожметъ плечами: «шарлатаны». Нѣтъ, не сумасшедшіе и не шарлатаны. Сумасшедшій тотъ, кто зачалъ въ больномъ мозгу большую идею и навязываетъ ее окружающему. Шарлатанъ — сознательно, изъ расчета, шарлатанить. Но чѣмъ виноваты люди, обыкновенные люди, которые, едва открывъ глаза, увидѣли весь міръ и все происходившее въ немъ, окрашеннымъ сумасшедше — шарлатанскимъ заревомъ. Все. Каждый уголокъ мысли, чувствъ прошлаго, будущаго. Надъ этимъ, право, стоитъ задуматься.

Тѣмъ и важенъ вотъ такой Петръ Степановичъ, что онъ не личность. Онъ типъ. Онъ стоитъ сейчасъ на эстрадѣ эмигрантскаго диспута, но десятки, сотни тысячъ, миліоны, можетъ быть, такихъ, какъ онъ, стоятъ на великой русской землѣ, и пусть они ни о какомъ титанизмѣ и не помышляютъ — головы ихъ, ихъ души сформированы по тому же самому образцу. Всѣ перспективы для нихъ заранѣе искажены, всѣ планы спутаны. И именно чѣмъ меньше они сумасшедшіе, чѣмъ меньше шарлатаны, чѣмъ сильнѣе говоритъ въ нихъ врожденное чувство правды и справедливости, — тѣмъ болѣе странныя формы принимаетъ въ нихъ «души неслышанный протестъ», когда онъ назрѣлъ. Протестъ противъ нищеты духовной и матеріальной, противъ униженія національнаго и личнаго, протестъ противъ обмана буржуазнаго и обмана большевицкаго. Тема «униженныхъ и оскорбленныхъ» (съ непремѣнной надеждой на какое то обязательное конечное «торжество») всегда была близка русскому сознанию, всегда его «возбуждала». Теперь, когда вся Россія такъ неслышанно оскорблена и унижена и внѣшне и изнутри, ей, на ея гноищѣ, снятся «золотые сны». Опасные сны: тамъ и «Вавилонская башня», и конная армія Буденнаго, — подходившая вѣдь уже къ Варшавѣ! — и красный пѣтухъ, котораго можно будетъ опять запустить, и Христось, и погромы, и «батюшка царь» съ черными, огненными глазами Пугачева.

Среди неисчислимыхъ золъ, которыя большевики принесли Россіи, есть одно — еще почти неосознанное. На нашихъ глазахъ только что появились первые цвѣточки — ягодки будутъ потомъ. Славный, честный (несом-

нѣвно честный), прямой, безкорыстный (о, еще бы не безкорыстный!) Петръ Степановичъ, вѣщающій о титанизмѣ съ трибуны «Зеленой Лампы», не есть ли онъ именно такой цвѣточекъ распукающагося на нашихъ глазахъ новаго зла.

Зло это особой породы. Вызванное большевизмомъ, оно большевизму враждебно. Такъ спирить порой вызываетъ демона, который сильнѣе его, и демонъ его душитъ. Но тѣмъ, кого этотъ демонъ передушитъ потомъ, отъ этого не легче.

Для своей пользы большевики разрушали систематически все, на что опиралась русская жизнь: церковь, семью, національное чувство, человѣческое достоинство, честь, самый разумъ. Они дѣйствовали успѣшно, — нельзя не признаться. Но до желаннаго «стопроцентнаго» истребленія живой души народа, какъ ни старались, дѣло довести не удалось. Что то уцѣлѣло, что-то срослось со старыми корнями, что то новое родилось и пробиваетъ дорогу къ жизни. Но выросшее на отравленной почвѣ, въ разрѣженномъ воздухѣ «соціалистическаго опыта», въ искаженныхъ перспективахъ прошлаго и будущаго, сдобренное, какъ дрожжами, врожденнымъ русскимъ «максимализмомъ», — это новое... уродливо и внушаетъ страхъ.

За примѣрами недалеко ходить — сказочный ростъ гитлеровскаго движенія у всѣхъ передъ глазами. Тоже хотятъ могущества, тоже стремятся «достраивать башни». А гитлеровщина — замѣчу въ скобкахъ — родилась въ сравнительно благополучной и несравненно болѣе устойчивой Германіи, и при всей ширинѣ «обхвата» — мелка. Ну, конфискуетъ Гитлеръ «еврейскіе капиталы», ну, дасть каждой дактилографкѣ въ принудительномъ порядкѣ «бѣлокураго мужа»...

А тутъ Россія. Путанная русскія головы «съ сумасшедшинкой». Пятнадцатилѣтній «стажъ» большевизма, т. е. нѣчто небывалое въ природѣ. И безконечная, неизмѣримая глубина всяческихъ русскихъ страданій...

Что же, если сегодня большевики падутъ и для такихъ Петровъ Степановичей, для постройки и достройки разныхъ ихъ башенъ откроется не эстрада «Salle Shopin», а «отъ финскихъ хладныхъ скалъ»... вся русская земля? Воля у нихъ каменная, скулы выдающіяся, говорокъ понятный, мужицкій, по «мохушествѣ» они истосковались. Самое опасное, что они безкорыстны и честны, слѣдовательно, зло, которое они несутъ, есть зло идейное — т. е. труднѣе всего искоренимое зло. Что же тогда? Изъ огня да въ полымя...

**
*

Въ антрактѣ одного изъ такихъ диспутовъ я подѣлился сомнѣніями на этотъ счетъ съ русскимъ общественнымъ дѣятелемъ, пожилымъ человекомъ, выдавшимъ виды.

Онъ сказалъ:

— Да... это такъ. Но и не совсѣмъ такъ. Видите-ли... да вотъ, посмотрите на его лицо.

Петръ Степановичъ, только что чеканившій съ встрады свой «каменный» докладъ, стоялъ неподалеку отъ насъ. Онъ разговаривалъ съ кѣмъ то и во весь ротъ улыбался своей простодушной улыбкой.

— Видите, какъ онъ улыбается? Какъ ребенокъ. Не кажется ли вамъ, что такая улыбка реальнѣе и важнѣе его словъ. Потому, что слова — слова, и что тамъ за ними — неизвѣстно. А улыбка уже есть дѣло, притомъ дѣло мира и любви.

— Вотъ, — прибавилъ онъ, — вы боитесь «что будетъ»? А будетъ, можетъ быть, просто: рухнуть большевики и — и первое, что сдѣлаютъ русскіе люди, — это улыбнутся другъ другу, вотъ такъ, отъ души. Потомъ, разумѣется, начнутся распри. Но главное, то самое, за что вы боитесь, уже будетъ спасено.